

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 24, Is. 2, pp. 89–97, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-89-97
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 572

The Invisible Migration: Journey from Kalmykia to Moscow

Vlada V. Baranova¹

¹ Ph. D. of History (Candidate of Historical Sciences), Associate Professor, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics; Research Associate, Department of Languages of Russia, Institute for Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russian Federation).
E-mail: vbaranova@hse.ru

Abstract

The aim of the study is to analyze the internal migration from the Republic of Kalmykia to other regions of the Russian Federation, mostly to Moscow. The ethnographic study draws upon interviews and the author's observations made in rural districts of the Republic of Kalmykia in 2006-2015. Kalmykia is one of the regions that get depopulated as a result of the migratory exchange with other subjects, while the mortality rate – especially in rural areas – is high. However, the real extent of temporary labor mobility is underestimated in the present-day literature and the actual number of non-permanent migrants is significantly higher whereas most of them are not reflected in the official statistics. The paper argues that there is no border between different types of temporary, permanent and circular mobility for our respondents. In terms of inter-ethnic aspects, the migration changes the traditional norms. People involved into the migration develop a hybrid identity of belonging to different communities. Nevertheless, temporariness can affect the various choices of migrants and their families including the trends to use practices of shadow economy because of the official Moscow policy with its bureaucratic barriers aimed at preventing mass migration into the city and the fact the owners avoid helping both internal and external migrant workers with registration in their apartments. The “internal migrants” are regarded as “alien migrants” in public discourse and this leads to a separation and marginalization of internal non-Russian ethnic migrant workers in the city which reduces potential benefits of the mobility. Like international labor migrants, internal migrants want to maintain or improve their living standards, however, temporary migration implies harsh and uncomfortable living and working conditions. The study of migration processes in the local context helps understand different aspects of internal mobility and the influence of migrants' social life on local communities.

Keywords: ethnography of migration, Kalmykia, internal migration, temporary (circular) migration, depopulation, daily practices.

Введение

Внутренняя трудовая миграция из республик сравнительно мало привлекает внимание исследователей, сосредоточенных обычно на изучении иностранной иммиграции и эмиграции. Как правило, изучение внутренней миграции затруднено тем, что временные переезды и работа не фиксируются документально, поэтому достаточно сложно оценить масштаб явления. Исследователи отмечают, что внутренняя миграция в Российской Федерации ниже, чем в других странах Европы [Guriev, Vakulenko 2015; Andrienko, Guriev 2004]. Довольно распространенной практикой является не переезд семьи, а временная

или постоянная работа одного из ее членов, обеспечивающая остальных. По приблизительным оценкам, в Российской Федерации примерно «15–20 млн семей живут за счет отходничества» [Флоринская, Мкртчян, Малева и др. 2015].

На миграционный отток населения Республики Калмыкия на фоне естественной убыли населения обращали внимание в последние годы как исследователи (см., например: [Намруева 2013]), так и журналисты. Данные Росстата свидетельствуют о сохраняющемся отрицательном сальдо межрегиональной миграции на протяжении последних 10 лет (см. рис 1), хотя и с незначительными колебаниями.

Рис. 1. Миграционный прирост (убыль) населения, абсолютные данные, человек, Республика Калмыкия, значение показателя за год
(составлено по данным Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> и регионального отделения <http://statrk.gks.ru>)

Миграционный прирост связан преимущественно с миграцией из стран СНГ; следует отметить, что миграция в Республику Калмыкия из других регионов Российской Федерации не находит, по-видимому, полного отражения в официальных данных, хотя исследователи отмечают Калмыкию как одно из направлений дагестанской се-

зонной трудовой миграции [Карпов, Капустина 2011: 166]. Как показывают наблюдения и интервью, масштабы исходящей трудовой миграции также иные и, вероятно, недооцениваются официальной статистикой: многие жители сельских районов Республики Калмыкия ездят на временные заработки в другие регионы (прежде всего

в Москву, Санкт-Петербург и северные районы Сибири), однако почти никто из них не регистрирует подобные перемещения. В некоторых случаях подобные поездки на заработки приводят к переезду в другой регион, что в дальнейшем находит отражение в статистических данных, однако значительное число людей в течение долгого времени сохраняет неопределенный статус или привыкает жить в условиях сезонной миграции.

В задачи данной небольшой статьи не входит обсуждение демографических перспектив региона или анализ причин миграции. Ниже представлено антропологическое описание миграционных процессов на примере трудовой миграции из сельских районов Калмыкии в Москву, по данным наблюдений в 2006–2015 гг. в поселках Кетченеровского, Октябрьского и Лаганского районов и интервью с жителями Калмыкии, имеющими опыт работы вне региона или работающими за пределами республики родственников¹, а также анализа форумов и групп «ВКонтакте», посвященных поиску жилья и работы в Москве². Антропологический подход к миграционным процессам отличается вниманием к миграции в этническом или локальном сообществе, часто имеющей исторические корни (*отходничество*), см. изучение современных процессов миграции из Дагестана [Капустина 2010; Карпов, Капустина 2011] или этнографический анализ миграции в таджикском селе [Зотова 2012]. В фокусе внимания будут значение поездок на заработки для самих участников и практики, возникающие во время переезда. Современные исследования миграции основаны на теоретической рамке транснационализма [Glick Schiller, Bash, Blanc-Szanton 1992], предполагающей, что опыт миграции влияет и на принимающее, и на отправляющее сообщества. Индивид приносит с собой новые нормы и практики, приобретенные с опытом работы и проживания в другом регионе. Обычно с этой точки зрения рассматривается транснациональная миграция, однако не менее интересно

¹ Поскольку интервью иногда посвящены достаточно болезненным темам, то не указываются не только имя респондента, но и название поселка.

² Калмыки в Москве // URL: <https://vk.com/club34726272>; Доска объявлений для калмыков в Москве. Калмыкия // URL: <http://vk.com/doskalm>; Калмыки в Москве, Доска объявлений // URL: <https://ok.ru/group/54450679775238>; и др.

рассмотреть подобные процессы в локальном сообществе, члены которого регулярно живут и работают в специфических для временных работников условиях в мегаполисе. Рассмотрим с этой точки зрения основные характеристики временной трудовой миграции калмыков в другие регионы РФ, прежде всего в Москву.

Невидимая и временная

Выше было отмечено, что рассматриваемый феномен относится к числу «невидимых»: временная внутренняя миграция не находит отражения в официальных документах или фиксируется значительно позже, обозначая состоявшийся окончательный переезд со сменой постоянной прописки и/или покупку жилья в другом регионе. Граждане Российской Федерации обязаны оформлять временную регистрацию, но никто из респондентов не делал этого. Как показывают опросы, 97 % москвичей — владельцев жилья ответили, что никогда не регистрировали внутренних или внешних мигрантов [Флоринская, Мкртчян, Малева и др. 2015: 203]. Сами временные работники отмечают, что не видят особой необходимости оформлять временную регистрацию, так как гражданство ограждает от конфликтов с полицией, а при возникновении медицинских и других проблем они предпочитают вернуться в Калмыкию.

Временные мигранты, как правило, не обсуждают долгосрочные прогнозы. Планы достаточно часто меняются под влиянием ситуации: например, молодой человек из Малодербетовского района год работал водителем в Санкт-Петербурге, вернулся назад и снова поехал, но не нашел работу, а когда нашел, то не стал работать, а ушел в армию по контракту, теперь женился и живет в Элисте. Неопределенность отражается и на дискурсивном уровне: на вопрос о том, планирует ли человек в ближайшее время поехать работать в Москву, достаточно часто следует ответ «может поеду, может нет», связанный не с желанием скрыть информацию, а с краткосрочностью планов.

Поездка на заработки из Калмыкии в Москву, не предполагающая оформление документов и требующая небольших финансовых и временных затрат при передвижении на автобусе, часто может быть относительно непродолжительной. Несколько человек рассказывали, как вернулись после получения первой зарплаты. В предель-

ном случае поездки на заработки может не привести к устройству на работу и быть похожей на туристические перемещения, особенно если нет предварительных договоренностей о помощи с поиском работы или подмене другого работника на время поездки домой:

Р.: Я поехала просто искать. А потом домой захотелось.

И.: Да? А сколько вы там пробыли?

Р.: Десять дней. Недолго (ж., ок. 40)¹.

Подобные случаи воспринимаются скорее как казусы, однако описываются как *поездки на работу*.

В кризисной ситуации и необходимости финансовой поддержки индивид может воспользоваться опытом других и включиться в поездки на заработки, которые затем могут стать регулярными вплоть до изменения ситуации. Например, после развода учительница географии, оставив сына у матери, подрабатывала сиделкой в больнице в течение двух месяцев летнего отпуска и планировала так поступить и на следующее лето, но затем переехала в другое село и (на время?) отказалась от поездок в Москву. В других случаях индивид втягивается в регулярный ритм чередования поездок на работу в Москву и жизни в селе. В таких случаях можно говорить об отходничестве или сезонной, маятниковой миграции. Последнее понятие обычно применяют к ежедневным поездкам (см. о маятниковой миграции из Подмосквья в Москву [Шитова, Шитов 2013]), однако может быть использовано и для объяснения более длительных колебаний (сезонная, отпускная и т. д.).

Как определить, что работа в другом регионе становится постоянной? Момент перехода временных поездок на заработки в переезд трудноопределим. Некоторые респонденты, проводящие большую часть года в Москве на протяжении более чем 10 лет, продолжают описывать свою ситуацию как «я живу в Калмыкии». Эмоциональная вовлеченность в местные информационные потоки, особенно увеличившаяся в последние годы благодаря доступной даже в отдаленных районах недорогой мобильной связи, позволяет им быть членами локального сообщества на расстоянии. Окружающие говорят о пребывании в поселке таких людей «сейчас дома», т. е. также принимают такую оценку пространства, при котором

¹ В скобках здесь и далее указаны пол и возраст (иногда приблизительный) респондентов.

Москва — это «там», а поселок — «здесь» (даже если разговор происходит не в Калмыкии). «Состоявшимся» переезд признают при наличии внешней точки отсчета: брака, покупки недвижимости или продажи собственности в Республике Калмыкия.

Племянник работает в суши-баре, нашел там девочку-калмычку, ее родители давно уже в Питере, оказывается, жили. Уже два сына у них. Очень тяжело, конечно, привыкать. Он уехал туда со своим братом, но у брата сын в Питере что-то не сложилось и он уехал в Москву, а вот этот семь лет уже живет. И он сейчас взял квартиру в ипотеку, ну, ничего, двухкомнатную квартиру. Дети. Ну, он говорит, не знаю, я хочу на родину, сюда в Калмыкию. А у жены, у снохи, родственники они уже давно обосновались в Питере, они уже не хотят, они да-аавно! Дом продали здесь уже в Калмыкии, в Элисте, крест поставили (ж., ок. 70).

Кто переезжает? Неустойчивый статус

Первое, что бросается в глаза внешнему наблюдателю — неравномерное распределение миграционного оттока. Некоторые небольшие поселки практически не вовлечены в отходничество, хотя им свойственны другие проблемы сельской депопуляции, вызванной отъездом студентов и молодых специалистов. Переориентация на традиционные формы выпаса скота и семейную организацию хозяйства позволяет решать финансовые проблемы небольших сел. В других поселках, где значительную часть населения составляли специалисты (счетоводы, сотрудники школ и детских садов и пр.), безработица приводит к массовому отходничеству или переездам, когда затруднительно определить точное число жителей.

Межрегиональная трудовая миграция из сельских районов Калмыкии в значительной степени женская (хотя в данном случае трудно дать количественные оценки), в отличие от иностранной трудовой миграции. В то же время в последние годы отмечается феминизация миграции в целом [Тюрюканова 2011], что приводит к трансформации традиционных гендерных норм [Бредникова 2003]. Многие респонденты, имеющие опыт временной работы в Москве, обладали маргинальным с точки зрения традиционного общества статусом (вдовы или разве-

денные). Большинство из них имеют детей, что характерно и для женщин, уезжающих на заработки из Дагестана: «Эти женщины, как правило, среднего возраста, имеющие взрослых детей, которых уже можно оставить дома одних под присмотром родственников, а также вдовы, разведенные» [Капустина 2010: 26]. Калмыцкое сообщество сейчас включает миграцию в числе жизненных сценариев индивида в кризисной ситуации. Когда одна респондентка оказалась в тяжелой ситуации, окружающие говорили, что она, наверное, теперь поедет в Москву.

Наблюдение за людьми, включавшимися во временные поездки на заработки, показывает, что достаточно часто вовлечены оказываются люди с достаточно высоким образовательным статусом трудоспособных возрастов. С точки зрения развития сельских территорий, это приводит к снижению человеческого капитала. Одно из болезненных следствий трудовой миграции для идентичности индивида состоит в снижении социального статуса. Несколько респондентов, на протяжении нескольких лет чередовавших несколько месяцев работы в Москве и «отпуска» в поселке, обладают сходным, достаточно высоким статусом внутри сообщества, который утрачивается при переезде, а новый статус рассматривается как временный. Так одна из респонденток — поэт-самоучка, более 10 лет работает в домашней сиделкой при пожилых людях с проживанием, однако неизменно подчеркивает, что она живет в поселке, а окружающие неизменно упоминают ее внутренний статус (поэт).

Практики жизни вне дома и возвращение: сходство и различия с транснациональной миграцией

Рассказывая о работе в Москве, респонденты часто сравнивают свое положение с внешними мигрантами (и почти никогда — с жителями города). Многие упоминали выгоды положения внутренних мигрантов по сравнению с иностранными рабочими: *Нам всегда платили, не задерживали, а уборщица киргизка и охранник узбек, ему не платили три месяца, чтобы ушел, он же без оформления, а мы граждане* (ж., 45 лет). Подобное положение может быть описано как «меньшее бесправие» граждан Российской Федерации из других регионов.

Стратегии распределения доходов и расходов, по данным интервью с калмыками,

отличаются от соответствующих практик иностранных мигрантов: на примере рабочих из Средней Азии показано, что основная стратегия — минимизация краткосрочных расходов и накопления, отправление денег на родину [Пешкова 2016], тогда как для описываемого временного типа рабочей миграции это не слишком характерно. Лишь в некоторых интервью указывались определенные макрозадачи (такие, как участие в покупке жилья для выросших детей или ремонт дома (проведение газа)), но большинство респондентов указывали на желание заработать на повседневные расходы. Анализ доходов от временной работы в Москве с несколькими респондентами, с которыми сложились достаточно доверительные отношения, показывает, что доходы и расходы оказывались достаточно близки и режим экономии был менее строгим, чем у иностранных мигрантов, которым требовалось значительное первоначальное вложение в авиабилеты и оформление документов.

В некоторых случаях экономический смысл поездки на заработки оказывался минимальным — *ничего не заработали, вернулись* — или не является единственной формой выживания для респондента: *Сын говорит: оставайся, я тебе буду денег присылать. Он сейчас переехал вслед за знакомым в Архангельск, там тоже работает в суши-баре* (ж., около 55 лет). Очевидно, что в этом случае не менее важными становятся другие возможности мобильности. Сами респонденты часто иронически описывают отъезд на заработки как привычки *кочевников*, а проживание в другом месте — как *интересный* опыт (ср. с гедонистическим сценарием международной миграции в подходе [Бредникова, Ткач 2013]).

Другие аспекты жизни внутренних и внешних трудовых отношений чрезвычайно похожи, в частности стратегии поиска работы и аренда жилья. Большинство респондентов находили работу через знакомых: *девочки обычно знают* (где есть вакансии. — В. Б.), *(название поселка) -ские друг друга поддерживают* (ж., 55 лет). Распространены практики *подмены* друг друга: постоянно работающие нянями или сиделками могут найти односельчан на срок до нескольких месяцев, чтобы поехать домой. Жилье тоже, как правило, находят через знакомых, уже работающих в Москве, или через форумы и группы «ВКонтакте», ориентированные на калмыков (и имеющие соответству-

ющие названия). Калмыки обычно снимают койко-место или комнату в квартире вместе с земляками [Бредникова, Ткач 2010; Рочева 2015], посредником при сборе арендной платы и урегулировании конфликтов обычно выступает кто-то один из ранее приехавших (часто размер платы для новых жильцов установлен так, чтобы покрыть расходы на аренду «ответственного квартиросъемщика»). Интервью показывают достаточно тесное проживание калмыков на заработках и сравнительную автономность жильцов.

Жили сначала в одной квартире (нашли через знакомых), где было четыре человека в комнате, плюс они с подругой подружились, а потом переехали в другую (две комнаты, в каждой по три человека, платили по 6 тыс. руб.), все калмычки, но они почти не общались, не рассказывали, кем и где работают. Придешь с работы, никого нет или спят (ж., 45 лет).

Кроме того, существуют варианты работы с проживанием: на раскладушке в больнице (ж., 36 лет), сиделкой на дому (ж., 55 лет).

Объявления на специализированных форумах или группе «Калмыки в Москве» обычно указывают населенность квартиры, пол или семейный статус, иногда специально оговаривается, что все соседи — калмыки, хотя этнический состав обычно подразумевается в названии ресурса.

Сдается изолированная комната в 3-комн. квартире одному или семейной паре (без в/п из Калмыкии) на длительный срок, метро Первомайская, 10 минут пешком; Сдается одно койко-место для девушки или женщины. В 5–7 мин. от м. Профсоюзное.

В некоторых объявлениях специально оговариваются критерии населенности (меньшие, по сравнению с упоминавшимися выше в интервью практиками временного добавления в комнату): *У нас двухкомнатная квартира, в одной двое, в другой один парень, ищем добропорядочного человека в комнату к парню. Будем проживать вчетвером. Нам толпа не нужна. Ибо все много работаем и хотим отдыхать. Квартира обжитая, все есть.*

Как и в случае с внешними мигрантами, происходит образование инфраструктуры вокруг диаспоры: какое-то количество лиц, ориентированных на обслуживание группы (приготовление традиционной пищи, продажа баранины, риэлторские услуги, передача посылок и развоз). Объявления в Ин-

тернете репрезентируют наиболее популярные услуги.

Земляки, подскажите ламу сильного или кто смотрит по-калмыцки. Пожалуйста, срочно;

Хальмгар халянав, хорглж цутхлнав, нурн ясрулнав, толган уйдл домнулнав, бичкдуд халянав, уснд тярн тявняв;

Продаю берики (фарш из калм. мяса);

Борцоки. Пирожки. Доставка до вашей станции метро от 3 кг бесплатно.

Заключение

Как показывают материалы наблюдений и интервью, работа в другом регионе включена в биографический сценарий многих жителей сельских районов Калмыкии. Типы отъездов на заработки варьируются от краткосрочных поездок во время отпуска, напоминающих сезонную миграцию, до постепенного переезда, однако для некоторых респондентов не существует однозначного ответа на вопрос о постоянном месте жительства.

Респонденты подчеркивают новые важные смыслы миграции: путешествие, приобретение познавательного опыта (ср. мобильность в контексте подхода Дж. Урри [Urri 2000]). Поездка на работу в Москву требует сравнительно небольших временных и финансовых затрат, поэтому возможные экономические риски не выглядят слишком значительными. Возвращаясь, временные мигранты привносят в локальное сообщество новые смыслы и практики, связанные с опытом жизни в большом городе.

С другой стороны, нельзя недооценивать минусы подобного положения. Регион теряет трудовые ресурсы; люди живут в неблагоприятных условиях и подобное временное положение может продолжаться годами. Межрегиональная миграция имеет меньше барьеров, чем межстрановая, поскольку не требуется разрешения на работу, оформления трудового патента и т. д., однако она остается заведомо полу- или вовсе нелегальной, и, как отмечают исследователи правовой практики внутренней миграции, существующая система создает множество бюрократических барьеров и возможностей для коррупции при регистрации, приеме на работу, медицинском обслуживании и в отношениях с полицией [Зайончковская, Мкртчян 2007]. Этнические предубеждения и институты прописки приводят к выведению части граждан Российской Федерации за пределы правового поля.

Литература

- Бредникова О. Женская трудовая миграция: смена гендерных контрактов? // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: сб. науч. ст.; под ред. Л. Н. Попковой и И. Н. Тартаковской. Самара: Самар. ун-т, 2003. С. 143–154.
- Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 72–95.
- Бредникова О., Ткач О. Миграция как приключение? Гедонистический сценарий миграции. Презентация доклада в Центре независимых социологических исследований, Санкт-Петербург, 14.06.2013. 9 с.
- Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция в России: правовая практика. М.: Центр миграционных исслед. Ин-та народнохоз. прогнозирования РАН, 2007. 84 с.
- Зотова Н. А. Кишлак у реки: опыт исследования миграционных процессов на примере одного поселения // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 51–67.
- Капустина Е. Л. Трудовая миграция: экономическая стратегия и элемент социальной жизни (опыт современного Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 24–32.
- Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 450 с.
- Намруева Л. В. Миграционные установки молодежи Калмыкии (по материалам исследования) // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 2. С. 64–70.
- Пешкова В. М. Транснациональные особенности семейной экономики трудовых мигрантов из Средней Азии в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 240–255.
- Рочева А. Л. Исследование позиций «карьерный квартиросъемщик» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. № 2. С. 31–50.
- Тюрюканова Е. Женщины — мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС-Пресс, 2011. 183 с.
- Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.
- Шитова Ю., Шитов Ю. Маятниковая трудовая миграция в Московском регионе // Демоскоп Weekly. 2013. № 569–570. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0569/tema05.php> (дата обращения: 10.10.2016).
- Andrienko Y., Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia: evidence from panel data // Economics of Transition. 2004. № 12 (1). Pp. 1–27
- Glick Schiller N., Bash L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Annals of the New York Academy of Sciences, 1992. № 645 (1). Pp. 1–24.
- Guriev S., Vakulenko E. Breaking out of poverty traps: Internal migration and interregional convergence in Russia // Journal of Comparative Economics. 2015. Vol. 43 (3). Pp. 633–649.
- Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. London: Routledge, 2000. 268 p.

References

- Andrienko Y, Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia: evidence from panel data. Economics of Transition. 2004, no. 12 (1), pp. 1–27 (In English).
- Brednikova O. *Zhenskaia trudovaia migratsiia: smena gendernykh kontraktov? Gendernye otnoshenija v sovremennoj Rossii: issledovanija 1990-h godov: sb. nauch. st.; pod red. L. N. Popkovej i I. N. Tartakovskoj* [Women's labor migration: changes in gender contracts? Gender relations in present-day Russia: studies of the 1990s: collection of scholarly articles; edited by L. N. Popkova and I. N. Tartakovskaya]. Samara, Samara Univ. Publ., 2003, pp. 143–154 (In Russian).
- Brednikova O., Tkach O. *Dom dlja nomady* [A House for Nomads]. Laboratorium. *Zhurnal social'nyh issledovanij* (Laboratorium. Journal of Social Studies). 2010, no. 3, pp. 72–95 (In Russian).
- Brednikova O., Tkach O. *Migracija kak prikljuchenie? Gedonisticheskij scenarij migracii. Prezentacija doklada v Centre nezavisimyh sociologicheskikh issledovanij* [Migration as an adventure? Hedonistic migration scenario. Presentation of the report at the Center for Independent Sociological Studies]. Saint-Petersburg, 14.06.2013, 9 p. (In Russian).
- Florinskaja Yu. F., Mkrтчян N. V., Maleva T. M., Kirillova M. K. *Migracija i rynek truda* [Migration and Labor Market]. Moscow, Izdat. dom «Delo» RANHiGS Publ., 2015, 108 p. (In Russian).
- Glick Schiller N., Bash L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic

- Framework for Understanding Migration. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1992, no. 645 (1), pp. 1–24 (In English).
- Guriev S., Vakulenko E. Breaking out of poverty traps: Internal migration and interregional convergence in Russia. *Journal of Comparative Economics*. 2015, vol. 43 (3), pp. 633–649 (In English).
- Karpov Yu. Yu., Kapustina E. L. *Gorcy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v XX – nachale XXI veka: ih social'nye i jetnokul'turnye posledstviya i perspektivy* [Highlanders in the lowlands. Migration processes in Dagestan in the 20th– early 21st centuries: social and ethno-cultural consequences and prospects]. Saint-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2011, 450 p. (In Russian).
- Kapustina E. L. *Trudovaja migracija: jekonomicheskaja strategija i jelement social'noj zhizni (opyt sovremennogo Dagestana)* [Labor migration: an economic strategy and an element of social life (evidence from present-day Dagestan)]. *Jetnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review). 2010, no. 1, pp. 24–32 (In Russian).
- Namrueva L. V. *Migracionnye ustanovki molodezhi Kalmykii* [Migration attitudes of Kalmykia's youth]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* (Bulletin of Kalmyk State University). 2013, no. 2 (18), pp. 64–70 (In Russian).
- Peshkova V.M. *Transnacional'nye osobennosti semejnoy jekonomiki trudovyh migrantov iz Srednej Azii v Rossii* [Transnational peculiarities of the family economy of labor migrants from Central Asia in Russia]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny* (Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes). 2016, no. 1pp. 240–255 (In Russian).
- Rocheva A. L. *Issledovanie pozicij «kar'ery kvartiroosjemszhika» i modelej prozhivanija v Moskve migrantov iz Kirgizii i Uzbekistana* [A study of “tenant career” position and housing models of migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow]. *Sociologicheskij zhurnal* (Sociological Journal). 2015, no. 2, pp. 31–50 (In Russian).
- Shitova Yu., Shitov Yu. *Majatnikovaja trudovaja migracija v Moskovskom regione* [Push-pull labor migration within Moscow metropolitan area]. *Demoskop Weekly*. 2013, no. 569–570. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0569/tema05.php> (accessed: 10 October 2016) (In Russian).
- Tyuryukanova E. (ed.). *Zhenshhiny-Migranty iz Stran SNG v Rossii* [Female migrants from the CIS countries in Russia]. Moscow, Maks Press, 2011, 183 p. (In Russian).
- Urry J. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. London, Routledge, 2000, 268 p. (In English).
- Zajonchkovskaja Zh. A., Mkrтчjan N. V. *Vnutrennjaja migracija v Rossii: pravovaja praktika* [Internal migration In Russia: legal practice]. Moscow, Center for Migration Studies, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences Publ., 2007, 84 p. (In Russian).
- Zotova N. A. *Kishlak u reki: opyt issledovanija migracionnyh processov na primere odnogo poselenija* [Kishlak by the river: A case study of the migration processes in one settlement] *Jetnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review). 2012, no. 4, pp. 51–67 (In Russian).

УДК 572

НЕВИДИМАЯ МИГРАЦИЯ: ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ КАЛМЫКИИ В МОСКВУВлада Вячеславовна Баранова¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», научный сотрудник, отдел языков народов России, Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: vbaranova@hse.ru

Аннотация. Представленный этнографический очерк основан на полевых данных автора — наблюдении за жизнью сообщества (в 2006–2016 гг.) и интервью, посвященных опыту работы за пределами Республики Калмыкия (записанных в 2014–2015 гг.). Работа в другом регионе включена в биографический сценарий многих жителей сельских районов Калмыкии и варьируется от краткосрочных поездок во время отпуска, напоминающих сезонную миграцию, до постепенного переезда. Подобный тип занятости не отражается в официальных документах и обычно не учитывается при анализе миграции в Республике Калмыкия, несмотря на распространенность подобной стратегии. Коллективная аренда жилья, стратегии поиска работы и формирование диаспоральных сетей, в том числе виртуальных, а также неопределенность планов временных работников и полуправильный статус сближают внутреннюю миграцию с транснациональной. Длительные отъезды части жителей села и их опыт работы в мегаполисе влияют на локальное сообщество. В статье в перспективе антропологического подхода к анализу миграционных процессов обсуждаются сходство и отличия повседневных практик при внутренней и внешней трудовой миграции и значение опыта работы за пределами республики для респондентов из сел Калмыкии.

Ключевые слова: этнография миграции, Калмыкия, внутренняя миграция, временная миграция, сокращение населения, повседневные практики.